

Дмитрий
Мережковский

ЛИЦА
В тихом омуте

Москва, 2018

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Лица. В тихом омуте / Д. Мережковский. – М.: Т8RUGRAM, 2018. – 216 с.

ISBN 978-5-521-06929-3

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) – русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

«Лица. В тихом омуте» – авторский сборник публицистических статей Мережковского, отражающих отношение автора к событиям в России на рубеже XIX–XX веков. Комментируя творчество М. Горького, Л. Андреева, А. Чехова, В. Иванова, А. Белого и других своих современников, автор пытается найти религиозную основу в координатах Христианства.

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-06929-3

© Т8RUGRAM, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

В ОБЕЗЬЯНЫХ ЛАПАХ.....	5
СОШЕСТВИЕ В АД	53
АСФОДЕЛИ И РОМАШКА.....	67
КРАСНАЯ ШАПОЧКА.....	81
ЕЩЕ О «ВЕЛИКОЙ РОССИИ».....	91
ЦВЕТЫ МЕЩАНСТВА.....	103
ХРИСТИАНСКИЕ АНАРХИСТЫ.....	115
РЕФОРМАЦИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?.....	125
ХРИСТИАНСТВО И ГОСУДАРСТВО.....	139
БЕС ИЛИ БОГ?.....	151
МИСТИЧЕСКИЕ ХУЛИГАНЫ	161
НЕМОЙ ПРОРОК.....	173
ХРИСТИАНСТВО И КЕСАРИАНСТВО	191
ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЦЕРКОВЬ	201
ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РЕВОЛЮЦИЯ.....	209

В ОБЕЗЬЯНЬИХ ЛАПАХ

о Леониде Андрееве

ГЛАВА I

Обезьяна, подглядев, как мать ласкает ребенка, укра-
ла его из люльки и заласкала до смерти: есть об этом
рассказ в какой-то детской книжке с картинками.

Когда я думаю о судьбе таких русских писателей,
как Максим Горький и Леонид Андреев, заласканных,
задушенных славою, то мне вспоминается ребенок в
обезьяньих лапах.

В самом деле, какая судьба: вчера — «властитель
дум», духовный самодержец и первосвященник рус-
ской интеллигенции, а сегодня — что он, где он? — это-
го никто не знает или скоро не будет знать. Холоп-
ство — в поклонении, холопство — в унижении. Обезьянья нежность, обезьянья лютость. Объявили «конец
Горького» — и выбросили конченого писателя, как вы-
брасывают выжатый лимон. Поступили с человеком,
как с одним из тех резиновых пузырей-куколок, кото-
рые надуваются до исполинских размеров, — «человек,
это гордо!» — а затем, по мере того как выходит воздух,
ежатся, морщатся и, наконец, с последним жалобным
писком, совсем сникнув, становятся тряпкою.

Не хочется верить в «конец Горького»; пока жив че-
ловек, жив писатель; именно теперь, когда бесчислен-
ные мнимые друзья отвернулись от него, немногие
мнимые враги продолжают смотреть на него с надеж-

дой, готовы протянуть ему руку и, конечно, рады будут первые приветствовать возрождение Горького.

А пока что новая жертвочка в обезьяньих лапах — Леонид Андреев. Неужели и с ним то же будет, что с Горьким?

Некогда Горький казался великим художником — и перестал казаться; Андреев кажется — и перестанет казаться. У обоих есть маленькие драгоценные камешки художественного творчества; но не эти камешки, а огромные фальшивые бриллианты пленяли некогда поклонников Горького, сейчас пленяют поклонников Андреева.

Я себя не обманываю, я знаю: сейчас доказывать, что сила обоих писателей вовсе не в художественном творчестве, а в общественном действии, не там, где они исполняют, а там, где они нарушают законы прекрасного, доказывать это — значит толочь воду в ступе: никто не поверит, никто не услышит. О вкусах, конечно, спорят. Что такое вся критика, как не спор о вкусах? Есть, однако, предел, за которым спор прекращается. Нельзя доказать кошке, что валерьяна пахнет хуже фиалки: надо перестать быть кошкой, чтобы это понять.

«Над всею жизнью Василия Фивейского тяготел суровый и загадочный рок. Точно проклятый неведомым проклятьем, он с юности нес тяжелое бремя печалей, болезней и горя, и никогда не заживали на сердце его кровоточащие раны. Казалось, воздух губительный и тлетворный окружал его, как невидимое прозрачное облако».

В ТИХОМ ОМУТЕ

Перевертываю страницы и нахожу: «сад вечно таинственный и манящий», «острая тоска», «жгучее воспоминание», «молчаливая творческая дума», «огромное, бездонное молчание», «стихийная необъятная дума», «молчаливо-загадочные поля», «неведомая тоска», «необъятная тишина», «чистая творческая дума», «мучительные воспоминания», «неизведанный счастливый простор», «роковая неизбежность», «безвыходное одиночество», «необъятный всевластный мрак», «холодное отчаяние», «музыка, играющая так обаятельно, так задумчиво и нежно», «музыка, обдающая волною горячих звуков», «дикое упоение злобою», «безмерная печаль нежной женской души», «огненная влага в кубке страданий».

Ну, с меня довольно. Для моего человеческого носа тут запах валерьяны слишком чувствителен. И где бы я ни открыл книгу, мелькают все те же цветы красноречия, подобные цветам провинциальных обоев. Не живые сочетания, а мертвая пыль слов, книжный сор. Слова, налитые не огнем и кровью, а типографскими чернилами. Я знаю, что значит: «огурец соленый», «стол круглый»; но что значит: «мучительные воспоминания», «жгучая тоска» — я не то что не знаю, а знать не хочу, как не хочу знать, что опротивевшие обойные цветочки имеют притязание на сходство с полевыми васильками и маками: мало ли чего хотел обойный фабрикант, да моя-то душа этого не хочет.

Существует два рода писателей: одни пользуются словами, как ходячею монетою — стертymi пятиалтынными; другие — чеканят слова, как монету, выби-

вая на каждом свое лицо, так что сразу видно, чье слово: кесарево — кесарю; для одних слова — условные знаки, как бы сигналы на железнодорожных семафорах; для других — знаменья, чудеса, магия, «духовные тела» предметов; для одних слово стало механикой; для других — «слово стало плотью». Андреев если не везде, то больше всего там, где старается быть художником, принадлежит к первому роду писателей.

Мне могут возразить, что все это мелочи; но ведь достаточно опустить палец в воду и попробовать на языке, чтобы узнать, какая вода — пресная или соленая; достаточно сделать химический анализ капли крови, чтобы узнать, какой болезнью заражено тело.

Каковы слова, таковы и мысли.

«К звездам», кажется, единственное произведение Андреева, в котором действующие лица не только вопят и скрежещут зубами, но и беседуют.

«Всякий человек должен быть сильным». «Астрономия — торжество разума». «У американцев — высокая культура». «Вы как будто против науки, Анна Сергеевна?» — «Не против науки, а против ученых, которые уклоняются от общественных обязанностей». «Для революции нужен талант». «Буржуа — звери, они всегда питались человеческой кровью». «У меня под юбкой знамя было — наше знамя, я приколола его английскими булавками, но какое оно тяжелое». «Собаке нужно время, чтобы привыкнуть к потере щенка». «Изменников и предателей нужно казнить смертью». «Можно убивать электричеством, тогда без крови». «Среди нас,

В ТИХОМ ОМУТЕ

евреев, родился Христос и Маркс». «Товарищи, солнце ведь тоже пролетарий».

По этим изречениям я не сужу об уме самого Андреева, только спрашиваю, знает ли он или не знает, что его герои одарены нечаянным и самоубийственным остроумием Козьмы Пруткова.

Иногда говорят они в стихах:

*Небо так ясно, солнце прекрасно,
Солнце зовет.
В веселой работе, чужды заботе,
Братья, вперед.
Грозы и бури ясной лазури
Не победят.
Под бури покровом в мраке грозивом
Молнии горят.*

Может быть, этот пролетарский гимн солнцу внушен благородными чувствами, но стихи все-таки прескверные.

Красноречие дурного вкуса особенно тягостно там, где речь идет о самом святом для Андреева и для его читателей.

«Гибнет свобода, бедная невеста в белых цветах, обретшая гибель в час брачного торжества. Но, чу. Слышен топот. Идут. Словно десятки гигантских барабанов отбивают густую тревожную дробь. Трам-трам-трам. Идут предместья. Идут защищать свободу. Разве можно удержать падающую лавину? Кто осмелится сказать землетрясению: досюда земля твоя, а дальше

не трогай... Так это народ! И гордость, и чувство силы, и жажда великой, еще не виданной свободы. Свободный народ — какое счастье! Трам-трам-трам... Гремит революционная песня... К оружию, граждане! Собирайтесь в батальоны! Идем, идем!.. Спасена свобода!»

Да ведь это же Кукольник: «Рука Всевышнего отечество спасла» или

*Гром победы, раздавайся,
Веселися, храбрый Росс!*

вывернутые наизнанку. Революционная казенщина, которая хуже правительственной. Стиль аракчеевских казарм в стиле «военной диктатуры пролетариата». Стоило начинать революцию, чтобы не найти в ней ничего, кроме «трам-трам-трам». Неужели Андреев не чувствует, что такие молитвы — кощунство.

Как все, кто не владеет языком, он его насилует.

В рассказе «Так было» речь идет о героях французской революции. Они, говорит Андреев, «любимые дети грозных дней — окровавленных голов, которые носят на пиках, как тыквы; мясистых, губчатых сердец, из которых выжимают кровь; могучих титанических речей, где слово острее кинжала и мысль беспощаднее, чем порох. Покорные воле державного народа, они вызвали призрак таинственной власти — сейчас, холодные, как ученые анатомы, как судьбы, как палачи, они исследуют его голубое сияние, пугающее невежд и суеверов, разнимут его призрачные члены, найдут черный яд тирании и предадут его последней казни».